

И. С. Чистова

Из комментариев к ранней лирике Пушкина

Осенью 1817 года Пушкин, вчерашний лицеист, делающий первые шаги в большом свете, отмечает новое знакомство — с хозяйкой известного петербургского салона княгиней Авдотьей Ивановной Голицыной — стихами, которые начинаются так:

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель ...¹

Эти строки едва ли возможно рассматривать лишь как некую поэтическую условность, в рамках которой осуществляется движение лирической мысли к финалу стихотворения. Вне всякого сомнения — за названными строками стоит определенное реальное содержание, живая конкретность; здесь отзвук тех настроений, тех идей, которые составили систему политических, общественных взглядов Пушкина, только что окончившего Лицей и вступавшего в самостоятельную жизнь. Чтобы понять, как складывалось, формировалось мировоззрение молодого Пушкина, мы должны уловить те впечатления, которые питали ум и душу поэта-лицеиста, хорошо представить себе его ближайший дружеский круг, войти в окружающую его общественную, литературную, бытовую среду.

В 1814 году Пушкин знакомится с офицерами лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе. В это время овеянный боевой славой гусарский полк вернулся из заграничного похода. В 1812 году Пушкин и его друзья-лицеисты провожали на Запад все гвардейские полки, в том числе и гвардейских гусаров. 29 февраля полк под командою полковника Давыдова выступил из Софии и, следуя по дороге в Вильно, через Гатчину, Лугу, Порхов, Новоржев, Себеж, Брестлавль, прибыл 9 апреля в местечко Уцяны. Полк принял участие во всех знаменитых сражениях, прославивших русское войско, — 14 июля под Витебском, 26 августа — под Бородином, где обратил на себя внимание отважными и успешными атаками, 6 октября под Тарутином, 12—13 октября — под Малоярославцем и Смоленском. Отличился полк и в кампаниях 1813—1814 годов — под Бауценом и Кульмом, при Лейпциге и Фершампенуазе [Fère-Champenoise]. 18 марта 1814 года войска вступили в Париж; 18 мая пушечные выстрелы возвестили, что мир подписан. Был объявлен обратный поход в Россию. Гусарский полк выступил из занимаемых им квартир близ Парижа 20 мая и через Нанси, Фридрихсбург, Тильзит — вернулся на Родину; и вот опять — Псков, Луга, Гатчина, и наконец, 19 октября 1814 года, — Царское Село, где войска разместились на своих постоянных квартирах.

При известии о возобновлении военных действий по случаю бежавшего с острова Эльба и появившегося во Франции Наполеона гвардия 3 июня 1815 года вновь выступила в поход, но едва войска дошли до Вильно, как кампания окончилась; 22 октября 1815 года полк окончательно вернулся в Царское Село.

---

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. I. Л., 1977, с. 281. (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.) Курсив мой, — И. Ч.

Нетрудно представить себе то воодушевление, тот восторг, с которым лицеисты встретили доблестных русских воинов.

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
(I, 129)

В ратных подвигах своих соотечественников Пушкин и его сверстники видели реальное воплощение идеи служения земле своих отцов — идеи, глубоко волновавшей их юные пылкие сердца. Всеми своими помыслами воспитанники Лицея были с ними, героями славного 1812 года, победителями Наполеона, освободителями Европы. Любуясь офицерскими мундирами, шарфами с кистями, брюками с красными лампасами, они горели желанием вступить в военную службу. Напомню пушкинское послание к Галичу 1815 года:

Простите, девственные музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воющих корнетов!
(I, 107)

Не смущала Пушкина и фронтовая служба, предварительное знакомство с которой было необходимо для офицера гвардии: гибкий, ловкий, подвижный, Пушкин прекрасно ездил верхом и отлично фехтовал².

Юного поэта неудержимо влекло к царскосельской гвардейской молодежи, общение с которой раздвигало границы замкнутого лицейского существования, вело в такой заманчивый для ученика-лицеиста мир взрослых, серьезных идей, настроений, чувств.

Для того чтобы составить себе представление о круге гусарских знакомых Пушкина-лицеиста, перечитаем пушкинские стихи 1816—1818 годов.

„Послание к Каверину“.

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи
(I, 211)

Петр Павлович Каверин, гусарский поручик, дуэлянт и повеса; вместе с тем, по определению Пушкина, „высокий ум“, человек просвещенный, преданный идеалам добра и вольнолюбия.

² П. И. Бартенев, А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. — „Московские ведомости“, 1855, № 142.

Стихотворение „В альбом“:

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет ...
(I, 226)

Адресовано Алексею Николаевичу Зубову, корнету Гусарского полка. Стихи были вписаны Пушкиным в альбом Зубова летом 1817 года.

Четверостишие, сохранившееся в записи Каверина:

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов.
(I, 250)

Памфамир Христофорович Молоствов — корнет Гусарского полка, лихой гуляка, человек умный и ироничный; по словам одного из современников, — „славный малый и (...) либерал“³.

Знаменитое стихотворное обращение „К Чаадаеву“:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!
(I, 307)

Петр Яковлевич Чаадаев — корнет Гусарского полка, молодой аристократ, пораженный своей начитанностью и резкой своеобразностью ума. Безукоризненная светскость манер, гордая независимость невольно привлекали к нему взоры во всяком обществе. Он много и серьезно читал и уже в это время приобрел репутацию мудреца. Автор взволновавших всю мыслящую Россию „Философических писем“. Еще ряд имен дает нам сохранившееся в отрывках сатирическое стихотворение „Нозль на лейб-гвардии Гусарский полк“ — полковник Дмитрий Иванович Крекшин, корнеты — Иосиф Юшков, герой 1812 года, награжденный золотой саблей с надписью „За храбрость“, Платон Голубцов, Василий Олсуфьев. С Олсуфьевым Пушкин сохранит дружеские отношения и по выходе из Лицея, встречаясь с ним в Петербурге в 1818—1819 годах, вплоть до южной ссылки⁴. Возможно, пушкинский нозль на Гусарский полк своим появлением был обязан празднику Рождества в канун нового 1817 года, который отмечался офицерами в доме своего командира — генерала В. В. Левашова, известного своим крутым нравом. Левашова не любили. В „Послании к кн. Горчакову“ Пушкин назовет его „невежда-генерал“. Левашов был хорош собой, нравился дамам, имел щегольские черные усы и всегда воинственно гремел по лестнице своей саблей. Его каменный

³ Записки Д. Н. Свербеева (1799—1826), т. II. М., 1899, с. 239.

⁴ См.: М. Цявловский, Заметки о Пушкине. — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. XXXVIII—XXXIX. Л., 1930, с. 216—218.

дом, стоявший возле конюшен, гусары тоже звали конюшной. Отсюда и первая строка ноэля:

В конюшне Левашова рождается Христос

Каждый из гостей, приглашенных на рождественский вечер, входя в дом, должен был представиться; так возникали забавные характеристики участников рождественского веселья, построенные на остроумных каламбурах, игре слов. Прежде всего обыгрывались фамилии героев.

Из Голубцовых я, —

заявляет, например, очередной гость, корнет Платон Голубцов. Окружающим же как бы слышится иное:

Я из глупцов ...

(I, 271)

Вот в таком роде, вероятно, и были написаны веселые строфы ноэля, который скорее всего и создавался на ходу, в разгаре дружеской пирушки, в пылу безудержного веселья, под беспечный смех молодых офицеров. Нам сейчас уже невозможно представить себе, каким был ноэль, посвященный царскосельским гусарам в момент его написания. Существовал ли вообще какой-нибудь законченный текст? Или, созданный экспромтом, вслух, он записывался кем-то из присутствовавших фрагментарно, частями, — и вот эти отрывки, в записях, сделанных знакомыми Пушкина, и дошли до нас?

Еще один отрывок, хронологически выпадающий из гусарских стихов 1817—1818 годов, но тематически к ним примыкающий — черновой набросок 1824 года „К Сабурову“:

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериним гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чедаевым читал ...

Поручик Яков Иванович Сабуров — один из трех братьев Сабуровых, служивших в лейб-гусарах; „малый умный, добрый и благородный“, — так рекомендовал его Вяземский Жуковскому. С середины 1825 года — чиновник в канцелярии Воронцова в Одессе; писатель-очеркист. По просьбе биографа Пушкина П. В. Анненкова написал заметки о своих однополчанах. Андрей Иванович Сабуров — вышел в отставку в чине полковника; впоследствии — директор императорских театров. Об Александре Сабурове речь пойдет впереди, а пока обращаю внимание на следующую строку из приведенного выше послания к Сабурову:

Бранил Россию с Молоствовым ...

Эта строка заслуживает самого пристального внимания. В чем ее смысл? Легко заметить, что она вполне соотносится с тем двустишием из стихов, посвященных Авдотье Голицыной, которое было приведено в начале настоящей статьи:

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель ...

Попробуем отыскать реальный комментарий к этим строкам, обратившись к свидетельствам современников Пушкина, которые неопределимы, как необходимый материал, позволяющий исторически верно понять пушкинские строки, увидеть в них обозначение тех „серьезных предметов“, которые горячо обсуждали встречаясь Пушкин и его собеседники.

Разумеется, они нередко встречались и для того, чтобы легко и приятно провести время; „гусарские затеи“ конечно же привлекали Пушкина — юношу жизнерадостного, неугомонного, большого охотника поболтать и повеселиться. „Сущий бес в проказах“, — говорил он о себе. И все-таки главным в его общении с друзьями-гусарами было другое. Главное было в том, что стоявший в Царском Селе лейб-гвардии Гусарский полк явился для лицеистов средоточием, источником либеральных идей, политического вольнодумства.

Гусары — участники заграничных походов вернулись на свои царскосельские квартиры с огромным запасом жизненных впечатлений. Отечественная война вызвала подъем духовных сил народа, выявила яркие, независимые характеры, стала началом социального и патриотического пробуждения. Молодые русские дворяне заговорили об отмене крепостного права, введении конституции, гражданских свободах. Мы хорошо знаем о столь важных для Пушкина политических уроках Чаадаева; они лежат в основе вольнолюбивой лирики поэта 1817—1818 годов. По свидетельству Якова Сабурова, «влияние [Чаадаева, — И. Ч.] на Пушкина было изумительно. Он заставлял его мыслить»⁵. Беседы с гусаром-философом дали Пушкину тему для известной надписи к его портрету:

Он вышней волею небес
 Рожден в оковах службы царской;
 Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес ...
 (I, 371)

Возможно, вспоминая античных героев, Пушкин и Чаадаев говорили и о собственном высоком предназначении, о своей высокой роли в освобождении России от самовластья:

Пока сердца для чести живы,
 Мой друг, отчизне посвятим
 Души прекрасные порывы!
 (I, 307)

Может быть, на этом фоне должны рассматриваться и до настоящего времени не прокомментированные стихи, написанные где-то между 1817 и 1820-ми годами?

Великим быть желаю,
 Люблю России честь,
 Я много обещаю —
 Исполню ли? Бог весть!
 (I, 401)

⁵ Б. Л. Модзалевский, Пушкин. [Л.], 1929, с. 337.

В 1821 году Пушкин вспомнит царскосельские встречи с Чаадаевым,

... беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры ...
(II, 49)

Это строки из послания „Чаадаеву“.

Поспорим, перечтем, посудим, *побраним*,
Вольнолюбивые надежды оживим, —
(II, 49)

пишет далее Пушкин. Мечты об освобождении России от тяготеющего над ней зла родились вслед за размышлениями о множественных проявлениях этого зла: „*Побраним*“ ... Однополчанин Чаадаева Я. Сабуров говорил о нем так: „Чаадаев был критик“⁶. Эту характеристику подтверждает страница воспоминаний Д. Н. Свербеева, которую полезно здесь привести. Д. Н. Свербеев — в 1818—1819 годах чиновник канцелярии Комиссии прошений на высочайшее имя, дипломат, автор интереснейших „Записок“, охватывающих собою все царствование Александра I, московский знакомый Пушкина (с середины 1830-х годов) и Чаадаева. Осенью 1824 года, находясь в Швейцарии при русском посольстве, Д. Н. Свербеев встретился с Чаадаевым; по вечерам Свербеев приглашал к себе на чай и других, живших тогда в Берне русских, в числе которых был и отставной гусарский полковник П. Х. Молоствов.

„На вечерах у меня Чаадаев, оставивший службу ... — пишет Свербеев, — в немногих словах выражал все свое негодование на Россию. Он не скрывал в своих резких выходках глубочайшего презрения ко всему нашему прошедшему и настоящему и решительно отчаивался в будущем. Он обзывал Аракчеева злодеем, высших властей, военных и гражданских, — взяточниками, дворян — подлыми холопами, духовных — невеждами, все остальное — коснеющим и пресмыкающимся в рабстве.“⁷

Мы можем представить себе, что так же горячо обсуждали картину „народного неблагоденствия“ и Пушкин с Молоствым („Бранил Россию с Молоствым“): „Неужели народ, ознаменовавший себя столь блистательными подвигами в войне с Наполеоном, не сбросит собственного ярма?“ Главной язвой отечества называлось крепостное состояние. На одном из вечеров у Свербеева Молоствов рассказал приключившуюся с ним однажды историю; рассказ этот особенно интересен для нас своим финалом: „Возвращаясь я не очень давно из отпуска в Петербург; разбитый адской дорогой то по мостовой, то по бревнам в тряской моей бричке и преголодный приезжаю на станцию в Бронницы. Там, вы, господа знаете, смотритель кормит так хорошо, как нигде на всем пути. Каким-то чудом он женился на англичанке, и она-то приучила всех проезжающих у них останавливаться, отдыхать и прохладиться. Вот и я заказал ей хороший обед. Пока его стряпали рядом, в небольшой чистенькой кухне, за перегородкой от комнаты для проезжающих, часто проходила оттуда мимо меня рослая, в красивом сарафане, опрятно одетая, ражая девка, так что я ею залюбовался. „Что она родная тебе, или приемыш?“ — спросил я у смотри-

⁶ Там же.

⁷ Записки Д. Н. Свербеева, т. II, с. 237.

теля. „Какая родня! Просто раба. Я ее купил на имя моего родственника, вышедшего в дворяне.“ Такой ответ вывел меня из терпения. „Как ты смеешь называть кого-либо рабой? ... Он было вздумал еще возражать, и я поколотил его порядочно.“⁸

Реакция возмущенного рассказом станционного зрителя Молостова, вполне естественная для вольнодумца-гусара, заставляет вспомнить известный экспромт Грибоедова 1826 года: „Он ненавидел слово ‚раб ...‘“⁹

Такую Россию — деспотическое государство, сильное всеобщим рабским повиновением, которое привело к утрате нравственной силы, отличающей человека и составляющей гражданина, — „бранили“ Пушкин, Чаадаев, Молостов.

С рабскою Россией не мог примириться и Петр Каверин¹⁰.

„... Я покажу тебе раба, которого свобода ужасает [их тысячи, в отечестве]“¹¹, — записывает Каверин в своей тетради. Это обстоятельство приводило в глубокое негодование недавнего воспитанника Геттингенского университета, а затем боевого офицера, принадлежавшего к кругу просвещенных молодых людей, охваченных по возвращении из-за границы общественными стремлениями, горячим желанием „обогащать Россию сокровищами гражданственности“.

Однажды (дело происходило в 1818 году) кучер Каверина принес ему тысячу рублей и просил за это свободы, как бы опровергая горькую уверенность своего барина в том, что народ смирился с собственным положением, не чувствуя всего несчастья крепостного состояния. „Я дал бы тебе свои тысячу рублей за одну идею о свободе, — вскричал Каверин. — Но, не имея денег, даю тебе отпускную.“¹²

Между Лафитом и Клико

.....

Везде беседы недовольных ...¹³

Эту строку из десятой главы „Евгения Онегина“, вероятно, можно отнести и к беседам Каверина с его друзьями-единомышленниками. Несколькими годами позже по отношению к тому времени, о котором идет речь в настоящем сообщении, Каверину было предъявлено обвинение как участнику дерзких разговоров, где он говорил о том, что Россия имеет гнусное и притеснительное правление, в ней не существует законов, и т. д. Вольные речи против правительства сопровождалась чтением стихов, прежде всего произведений „отчаянно либеральной тогда музыки Пушкина“¹⁴.

„Шалун, политик и поэт“, — так лаконично и выразительно характеризовал Каверина Пушкин, посвятивший ему несколько строк в „Евгении Онегине“. Поэтом, правда, Каверин был более чем скромным, но стихи любил, понимал; записы-

⁸ Там же, с. 239.

⁹ Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975, с. 262.

¹⁰ См.: Ю. Н. Щербачев, Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1912, с. 56—57.

¹¹ Там же, с. 69.

¹² См.: Л. А. Мандрыкина — Т. Г. Цявловская, Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериним и Щербининим. — В кн.: Литературное наследство, т. 60 (I), М., 1956, с. 395.

¹³ Пушкин. Полн. собр. соч., т. VI. [Л.], 1937, с. 525—526.

¹⁴ См.: Записки Д. Н. Свербеева, т. I. М., 1899, с. 247.

вал их в особую тетрадь, которая, к счастью, дошла до нас — к счастью, потому что большую часть записей составляют пушкинские стихи.

Среди собеседников Каверина весьма замечательной представляется личность Александра Сабурова¹⁵. Сабуров, корнет гвардейского Гусарского полка, входил в ближайшее окружение Каверина и вне всякого сомнения был знаком с Пушкиным, хотя документальных свидетельств этого и не сохранилось. Знакомство с собранием личных документов Сабурова, имеющих отношение к его биографии, в том числе его записными книжками¹⁶, убеждает в том, что Сабуров может и должен быть введен в пушкинскую биографию, хотя бы потому, что, равно как и Каверин, собирал пушкинские стихи: в бумагах Сабурова сохранились списки пушкинских „Братьев-разбойников“, „Певца“ (то обстоятельство, что лицейское стихотворение Пушкина оказалось у Сабурова, можно считать косвенным свидетельством общения Пушкина и Сабурова в 1816—1818 годах), отрывка из второй главы „Евгения Онегина“, стихотворений „Гроб юноши“, „Увы, зачем она блистает...“.

Что нам известно об А. Сабурове? Вот краткая биографическая канва, которую оказалось возможным восстановить на основании личного архива Сабурова. А. И. Сабуров, ровесник Пушкина, происходил из дворян Тамбовской губернии Козловского уезда. Получил достаточное образование. „По-русски, по-немецки, по-французски читать и писать и математике знает“, — отмечено в его служебном, т. н. формулярном списке¹⁷.

Конец 1810-х годов — начало 1820-х преддекабристских лет для Сабурова, так же как и для многих его современников, гвардейских офицеров, — время напряженной духовной и умственной работы, направленной к высокой цели — претворению в жизнь „идеала свободной России“. В 1815 году Сабуров записывает: „... жизнь так пуста и бесцветна. Не лучше ли участь тех, которые еще с детства оканчивают земное поприще, даже не коснувшись горькой чаши жизни.“¹⁸ Легко заметить, что эта запись, навеянная чтением, насквозь литературна; и стилистика, и фразеология в ней заимствованы, реминисцентны. Но очевидно и другое: с помощью готовых поэтических формул автор выражает свой собственный взгляд на мир. Стремление выйти из круга обыденности и скуки, желание найти свое место в кипучей деятельной жизни приведет Сабурова в 1824 году в Северное общество декабристов. Сабуров знакомится с А. Одоевским, Завалишиным, Корниловичем, Оболенским, Александром Бестужевым; бывает с ними на „русских завтраках“ у Рыльева¹⁹. С декабристами-писателями его объединяют и литературные интересы; внимание и симпатию к А. Бестужеву Сабуров сохранит на многие годы — через десять лет он в своей записной книжке назовет Бестужева, автора увидевшей свет

¹⁵ Дружеские отношения между ними поддерживались вплоть до 1830-х годов: они переписывались регулярно; в ноябре 1829 года Каверин уведомил Сабурова о своей отставке.

¹⁶ Личный фонд А. И. Сабурова находится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (далее — ЦГАОР).

¹⁷ ЦГАОР, ф. 1074, оп. I, № 1, л. 1—2.

¹⁸ Там же, № 6, л. 62 об.

¹⁹ Сабуров оказался в числе тех, кто получил после смерти Рыльева копию предсмертного письма декабриста к жене, написанного 13 июля 1826 года. Эта копия сохранилась в составе архива Сабурова (№ 70).

в 1832 году книги „Русские повести и рассказы“, „нашим Юго, нашим Бальзаком, душой русской современной словесности“²⁰.

Безусловное сочувствие вызывала у Сабурова важнейшая для декабристов идея, провозглашавшая литературу главной силой, с помощью которой можно формировать общественное мнение. Среди листов со списками стихотворений, сохранившихся в архиве Сабурова (кроме пушкинских, здесь есть стихи Ф. Глинки, Вяземского, Туманского, Баратынского), находим и список запрещенной поэмы Мицкевича „Дзяды“, которая распространялась в списках²¹. Антикрепостническая направленность „Дзядов“ была так велика, что даже через тридцать лет после крестьянской реформы в России бдительный цензор, запрещая издание „Дзядов“ в переводе на украинский язык, писал: „Пьеса эта, кроме пропаганды коммунистических начал, очевидно написана с той целью, чтобы восстановлением в памяти простого народа печальных событий крепостничества возбудить в низших сословиях ненависть к высшим.“²²

А. Сабуров был арестован в Тамбове и доставлен в Петербург 13 января 1826 года на Главную гауптвахту и в тот же день переведен в Петропавловскую крепость, где содержался в течение месяца. По выходе из заключения в течение многих лет подвергался строгому секретному надзору с запрещением въезда в столицы. Был прощен в марте 1838 года.

Друг Каверина и Бестужева, декабрист А. Сабуров естественно входит в тот круг оппозиционно настроенных царкосельских гвардейцев, которому был близок Пушкин-лицейст и значение которого в ранней биографии поэта, как мне хотелось показать, весьма велико.

В самом деле, окружение того или иного писателя „органически входит в его биографию и творчество, и наше понимание его литературного наследия во многом зависит от того, насколько мы знаем среду, в которой он жил и работал“²³. Рассказ о том, как в поэтических строках Пушкина отлились, запечатлелись „витийства резкие“ его друзей-гусаров, и явился иллюстрацией этого известного положения.

²⁰ ЦГАОР, ф. 1074, оп. I, № 15.

²¹ Там же, № 4.

²² См.: С. Я. Боровой, Мицкевич накануне восстания декабристов. Мицкевич в Одессе. — В кн.: Литературное наследство, т. 60 (I), с. 441.

²³ См.: Л. А. Черейский, Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 3.